Лариса Критская (Нью-Йорк, США)

«ОКНО, ГОРЯЩЕЕ В НОЧИ»

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ДОРОГЕ ПАМЯТИ: 22 ЯНВАРЯ 1922 ГОДА НА ЧЕРНИГОВЩИНЕ РОДИЛСЯ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ СОВЕТСКИЙ ПОЭТ ЮРИЙ ЛЕВИТАНСКИЙ. 25 ЯНВАРЯ 1996 ГОДА В МОСКВЕ ОН УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ...

«Цивилизованный человек холодно и сознательно создал несчастного человека и менять статус кво не намерен. Это он, цивилизованный человек, ответственен за массовые убийства и рабство, это он, цивилизованный человек, поливает дождем бомб детей и женщин где и когда ему угодно, если они угрожают его личным собственным интересам. Цивилизованный человек не должен восприниматься серьезно, когда он распространяется о совести его цивилизованного мира…» - пронзительно написал в свое время Джеймс Баулдвин (James Baldwin).

Прагматиками не рождаются. Рождаются ”оторванными от реальности”.

От той ли реальности, о которой мы так ничего и не знаем или от той, в которой пришельцу придется провести свой жизненный век на этой земле? Вопрос о той реальности, от которой пришелец был “оторван” зависит от гения человеческого воображения.

Реальность же его бытия на земле, в которой ему предстоит провести свой жизненный век, требует серьезной подготовки.

Интуитивно ли, но мы начинаем такую подготовку… со сказки.

Для новорожденных пришельцев мы пишем сказки…

Сколько эпох исторического времени понадобилось моей сомнительной цивилизации для того, чтобы сказочники вымерли и на их месте родился механический урод без воображения, без вдохновения, без упоения величием своего жизненного бытия на эемле?

И сколько нам здесь осталось времени для того, чтобы дело по осквернению человеческой природы, начатое уродом, было доведено до конца?..

«Ваша профессия?», - спросила девочка в отделе труда. «Я – поэт», ответил ей человек. И люди в очереди засмеялись… Поэт это - не профессия.

«Ну что тебе сиянье тех планет!
Зачем тебя опять влечет туда!
Но что за мука – отвернуться - нет!
Когда ты должен - задохнуться - да!»

Или:

«Кромешный мрак и свет живой -
- свет лампы или свет свечи -
поэзия, вот образ твой -
окно, горящее в ночи!»

Я говорю словами Юрия Левитанского…

Между мечтой о пасторальной жизни на земле и воображением той, неведомой жизни в параллельной Вселенной, жил и Юрий Левитанский, мой любимый поэт, по счастливой случайности судьбы, мой наставник и друг…

«Но что же мне делать с проклятым моим ремеслом,
с моею бедою, с постыдной моей маятой!..»

…

«Да, дело мое - это слово мое на листе,
и слово мое - это дело мое на кресте...»

…

«Так что же мне делать с проклятым моим ремеслом
и что же мне делать с горчайшей слезинкой твоей!..»

Поэт это - не профессия. Поэт это - миссия…

«Тебе не надо со мной спорить, — говорил мне Юра, — между нами жизненный опыт в 16 лет… Через 16 лет ты меня догонишь, а я ведь опять уйду вперед…»

В январе 1996 года в день его рождения я позвонила ему из Нью-Йорка. Разговор был, как всегда, о личном: его да мои сетования на внешние раздражители, никак не позволяющие ни ему, ни мне успокоиться. 16 лет тому назад, в дни моего отъезда из России, мы, прощаясь, пили водку. «Ты не понимаешь, что ты наделала», — сокрушался Юра по мере того, как мы пьянели. На меня водка и Юрина тревога действовали, как резкие толчки тормоза на машину, несущуюся на скорости 120 км в час: я дергалась, спорила, раздражалась, что отрезвлению никак не способствовало. 16 лет спустя я нуждалась в исповеди. «Ты знаешь, Юра,— сказала я ему по телефону, — похоже, я свою жизнь проиграла». Плавное течение беседы оборвалось. Наступила тишина, в которой я долго слушала шумы по всей дистанции Нью-Йорк—Москва и обратно…

За десятилетний опыт («Кинематограф» — «Письма Катерине…») моего пребывания в кругу его близких друзей я уже знала, что для серьезного ответа на серьезные вопросы Юре нужно было время, чтобы разгрести слова, которые всегда могли исказить мысль. (Когда-то это называлось культурой беседы.) «Я так не думаю», — спокойно ответил Юра. Как после вести об успешной сдаче последнего экзамена на аттестат зрелости, я выдохнула, наконец.

День или два после этого еще проскакала на белом коне. Об этом (и о многом другом) собиралась рассказать Юре. Но позвонила женщина, которая мне была знакома лишь с Юриных слов: «Юрия Давыдович ушел», — сказала она. Может, другими словами сказала, но до меня дошло только «ушел», до меня дошло: «Горящими листьями пахнет в саду. // Прощайте. Я больше сюда не приду» — до меня дошло «не приду»... «Не приду»?! А как жить будем?! Кто будет держать Небеса, чтоб не рухнули на Землю, где разом, вместе со всеми «идеалами» бытия погибнут и белки, и муравьи?!

Заплаканная, весь день шаталась в квадрате нью-йоркского стеклянного колпака, спотыкаясь о квадратные лица экспонатов моей квадратной Реальности. Припоминала Юрины стихи, что знала наизусть, и вслух их декламировала: вызов, который могла бросить англоязычному пешеходу. Сидя по разным скамейкам, размышляла: «Отмучился, говорят, перешел, говорят, в Царство Небесное» ...Помилуйте, да он там давно жил! А «сюда» только от жалости и любви к нам возвращался! Вот только сейчас, когда усталость пересилила земное притяжение, он решил, что оставаться «здесь» больше не имеет смысла. Наверное, так решил... Юра умел принимать решения. И за последствия всегда платил сам.

« И можно себе представить смиренный лик,
и можно себе представить огромный рост,
но он уходит так же прост и велик,
как был за миг перед этим велик и прост».

Прошла несколько кварталов и села на другую скамейку...

В то непредсказуемо жаркое лето под Москвой горели леса. В крошечной однокомнатной квартире-«хрущобе» умер замечательный артист Леня Енгибаров. Обвинять было некого. Разве что его ежедневные репетиции в такую жару, да немного водки, да — одиночество... Весть была тяжелая.

Я спохватилась: где Юра? Я не слышала ничего о нем со вчерашнего дня! Перелом в Юриной жизни тогда был

настолько катастрофическим, что мы могли в то лето потерять его! «Юра ночевал у меня и сейчас поехал к тебе», — сказал мне Леша Воскресенский, один из самых преданнейших ему друзей. Открывая Юре дверь, я плакала: «Леня Енгибаров умер…» Юра молча прошел в комнату, сел в кресло качалку и долго — скрип, скрип — качал кресло. Но вот я перестала всхлипывать, и Юра тоже перестал качать кресло.

«Что я могу тебе сказать, Ларисик? — не отрывая взгляда от окна, сказал Юра, — нам это еще предстоит…»

По Нью-Йорку ударил гром. Небо стало чернеть. Я побрела в кофейню. Пока шла, думала: надо было так страстно любить жизнь «здесь», как любил ее Юрий Левитанский, чтобы еще долго после того лета, сопротивляясь растущей усталости, продолжать миссию Поэта в пути на туманной дороге между Реальностью и Неведомым. «Оттуда» из только ему одному ведомого «сюда» пришли уникальные вести: « Кинематограф», «День такой-то», «Письма Катерине, или Прогулки с Фаустом», «Белые стихи» и даже притчи...

Какие у Реальности могут быть претензии к поэту?! Счеты какие могут быть у ее святой бессмыслицы с ним?! Опять ушел, не заплатив за постой в меблированных углах ее декорированных конюшен? Опять поклялся не на той Библии? Опять повторил (за Рембо): «Все, чему нас учили — ложь…»? Опять дал повод для сплетен? Кому из конюшен Реальности надо знать, в каком пиджаке ходил на прогулку с Фаустом? Или — как прошли торги с Дьяволом: продал душу оптом — вся душа за один призрак Маргариты, или в розницу — несколько похожих на нее? А если рвал душу на части, как жил потом? (Ах, сплетня? Прекрасно! До стихов ли время?) Профессионалу от Реальности не нравятся глагольные рифмы в его стихах?..

(Откуда это? Вспомнила! Кафе Redgi в Нью-Йорке, где я обсуждаю с Иосифом Бродским возможность перевода стихов Левитанского на английский язык. «Я знаю и люблю стихи Левитанского, — говорит поэт, к которому мне нельзя не относиться молитвенно, — но на английском языке ... не знаю... вот глагольные рифмы...» «Глагольные рифмы? — боднулась я, — а как же без них, простите? Чем будем «жечь сердца людей»?» «Удалось», подумала я, потому что мы оба долго смеялись. Затея была моей, и в планы Иосифа Бродского она никак не вписывалась.)

Я не знаю, как пишутся воспоминания о людях, к которым при их жизни относятся молитвенно. Опасная это вещь писать воспоминания: «Я» набирает высоту, и вес с каждой фразой, начинающейся с «я помню...» или с « помню, я + известное имярек…» Есть и другая, не меньшая, если не большая, опасность. Эту опасность разгадал Julian North, один из биографов Байрона. Он назвал ее «одомашивание Гения». Впустить посетителей в жизнь Поэта — значит позволить им интимный контакт с Гением. А тут уж, как известно, всякое может случиться... Тем более, если пишущий о потухшем пламени в пантеоне — вглубь пантеона, пока еще там бушевало пламя, часто не заглядывал.

Вульгаризм «посетителей» пугает. А слово «гений» в приложении к Поэту мне кажется справедливым. И для отличия человеческого гения от «посетителей» никакое слово для меня не «высокое». (Надо же, прости Господи, и Заратустру как-то обозначить, чтоб не задавить в бойкий день распродажи уцененных товаров на рынке!)

В моей «Библии» Поэт — синоним Гения. А уникальность или ординарность его творений определяет лишь разницу в степени гениальности. Это — дрянь, что нет на планете Памятника Поэту. Пусть Безымянного. Не надгробья на его могилке, а Памятника, водворенного на Площади Всех Святых! А был бы такой, то каждый идущий в такую Мекку, нес бы с собой книжечку избранных стихов избранного им поэта, за жизнь (а не за душу) которого ему надо было бы молиться…

Утопия? Что ж... Но Утопия, по-моему, лучше, чем Отчаянье. А то вот тут, в Реальности, у нас ведь как? В Утопию всех Утопий мы верим. А Памятник Поэту, человеку, знающему дорогу в Неведомое, для нас «утопия» или еще банальнее — «трата денег из бюджета». Молимся богам, которых не видели. Гением человеческого вдохновения нарисованными и раскрашенными, гением человеческого вдохновения слепленными из глины, струганными из дерева или выбитыми из камня боги доставлены «сюда» и расставлены по домам. Теперь можно сказать, что «мы их видели»!.. А Слово Божье? Надо же было кому-то перевести его на человеческий язык! Теперь, слава Творцу, мы и богов видели, и поговорить с ними можем. И о чем же мы говорим с ними? Да все о том же: выговариваем себе контракт на «лучшие условия жизни за рубежом». (А мы «здесь» других взаимоотношений кроме торговли не знаем.)

Поэтому нам Памятник Поэту, да еще на Площади Всех Святых — не просто утопия, а и прямое оскорбление! Меж тем все «сведенья» о богах поступали к нам от того, кто с богами любил и мог общаться только на равных... «Здесь», среди нас, было время, когда он с нами щи хлебал или водку пил, а уходя, оставил нам ясный «путеводитель в Царство Небесное»: тончайшее сплетение, переплетение узлов и нитей из шести человеческих чувств — вдохновенный дар поэта… Аллелуйя!

Господи, помилуй!

Отчего же мы на него-то не молимся?!

«Трава права, а вы — увы», — сложил однажды Юрий Левитанский весь вековой опыт мудрости в короткую притчу. А обронил ее как-то случайно, даже сам не заметил... А ведь это — «осторожно! не убий!». Амен. Проповедь окончена.

Я не знаю, как пишутся воспоминания о человеке, к которому при его жизни относятся молитвенно. Вот придут (если еще не пришли) к Юрию Левитанскому, профессионалы — «веды», пишущие для неведующих профессионалов и, проанализировав русскую поэзию, (не сомневаюсь) назовут его уникальным поэтом. Вот друзья его, свидетели реальной жизни поэта, напишут воспоминания о нем. Может, какие-то письма его найдутся, может, откопается (ах! скандал?) сокрытое до сих пор от публичного обозрения «событие», которое заставит читателей гламурных журналов заговорить о нем, и вся жизнь его — от юного солдата до уникального поэта — мелькнет в программе «культурных передач». Может, женщина, из числа тех, которые влюблялись в него, захочет опубликовать историю своих чувств, и, пропустив их через фильтр времени и достигнутого со временем понимания, расскажет о его роли в ее жизни? О его роли в ее жизни, а не наоборот. Тяжкая ноша вины перед ней спадет с Юриных плеч.

У меня же ничего такого нет. Есть только то, что я себе вымолила у него еще при его жизни. Есть понимание: Как Показать Осень, Как Показать Зиму, Как Показать Весну, Как Показать Лето. И как писать воспоминания, но это — О Скрипке, Об Оранжевых Абажурах или О Шарманке. О человеке же, у которого я молитвенно и религиозно училась строить воздушные замки на песке, как писать воспоминания, я не знаю. ▲

ОБ АВТОРЕ:

Лариса Критская

Композитор, певица (музыка к спектаклю в Московском Театре Сатиры "Бег"; музыка ко множеству художественных и документальных фильмов; её песни занимают большое место в репертуаре Народной артистки России Елены Камбуровой; диск песен "Воспоминание О Шарманке"). Переводчик (ее переводы работ европейских философов-марксистов опубликованы в России РАН и другими издательствами. Активист анти-военного движения в США, член Международного Центра Действия в Нью-Йорке, возглавляемого Рамзеем Кларком.